

фантастическая
история

Книги Александра Башибузука
в серии «Фантастическая История»

СТРАНА АРМАНЬЯК. БАСТАРД
СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬЕР
СТРАНА АРМАНЬЯК. ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА
СТРАНА АРМАНЬЯК. ФАВОРИТ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ГРАФ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ВЕЛИКИЙ ПОСЛАННИК
СТРАНА АРМАНЬЯК. КНЯЗЬ ДВИНСКИЙ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ САХАЛИНА. КАТОРЖАНИН

фантастическая
история

Александр Башибузук
Черная кровь Сахалина.
Каторжанин

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

ПРОЛОГ

Меч размазался в матовую дугу, с сочным хрустом перерубил шею и пронесся дальше, увлекая за собой шлейф карминовых брызг.

Голова весело взлетела в воздух и, несколько раз кувыркнувшись, смачно шлепнулась в лужу жидкого навоза. Удивленные глаза уставились на грязно-серые клочки облаков, лениво проплывающие в небе. Тучное тело в окровавленном армейском мундире ничком упало на залитую кровью землю. Разбитые губы шевельнулись, словно что-то хотели сказать, и застыли в уродливом оскале.

— Красиво... — Молоденький румяный лейтенант в форме японской императорской армии несколько раз хлопнул в ладоши, затянутые в лайковые перчатки. — Это какой по счету за сегодня?

— Десятый, господин лейтенант. — Плотный, наголо бритый крепыш со знаками различия сержанта на кителе вежливо поклонился офицеру. На его круглом лице застыла улыбка, а узкие глаза лучились самодовольством.

— И ни одной осечки. — Лейтенант уважительно покивал. — Как насчет еще одной пятерки? Если и этих с первого удара, я представлю вас к медали, сержант Кобаяси.

— С удовольствием, господин лейтенант. — Кобаяси еще раз поклонился. — Но пять — это слишком легко, пусть будет еще десять.

Несколько солдат, стоявших рядом, одобрительно загудели, но тут же замолчали, когда взгляд офицера упал на них.

— Привести остальных, — небрежно бросил лейтенант.

— Извините, господин лейтенант. — Один из солдат вытянулся в струнку. — Но приговоренных осталось всего трое.

— Не имеет никакого значения, — брезгливо скривился офицер. — Все равно это человеческие отбросы. Доберите количество среди жителей этой помойки. Но не тащите всех сразу, начните со смертников.

— Как прикажете. — Солдаты гурьбой сорвались с места.

Через несколько минут привели еще трех человек. Пожилого мужчину в разорванном мундире полицейского урядника, со слипшейся окровавленной седой бородой и вытекшим глазом. Громадного сутулого детину в крестьянской поддевке и лаптях с распутившимися онучами. И молодого худого босого парня в полосатой робе каторжанина. Подталкивая штыками винтовок, приговоренных построили в ряд.

Урядник, мазнув взглядом по обезглавленным трупам, уставился уцелевшим глазом в небо и беззвучно, одними губами зашептал молитву. Крестьянин грязно выругался и сплюнул в сторону японских солдат. А третий вдруг охнул и лицом вниз повалился на землю.

Лейтенант презрительно хмыкнул и приказал солдатам поднять упавшего, но тот неожиданно встал на колени сам и с диким изумлением уставился на японцев.

— Что такое? — с издевкой поинтересовался у него офицер на хорошем русском языке. — Ты все забыл? Тогда я тебе любезно напомню. Я Такаси Таэда, лейтенант славной армии великого японского императора Муцухито, а это, — он показал стеклом на крепыща с мечом, — сержант Акира Кобаяси. Кто ты — увы, не знаю, но это и не важно. Мы находимся на исконно японской земле Карафуту, которую вы называли почему-то... — Японец презрительно проговорил с нарочитым акцентом: — Сахалином. Через пару минут тебе отрубят голову. Пожалуй, на этом все.

— Я понял... — после недолгой паузы прохрипел парень, неловко выговаривая слова, словно русский язык был для него чужой. — Благодарю вас, ваша милость... то есть господин лейтенант. Раз мне суждено умереть, не откажите в последнем желании. Ответьте всего на один вопрос.

— Почему нет? — Офицер ухмыльнулся. — Что ты хотел узнать?

— Зачем вам мечи? — Парень с усмешкой посмотрел на лейтенанта.

— Ты дурак, — с превосходством ответил японец. — Меч — душа самурая.

— Значит, вы умеете ими пользоваться? — еще более насмешливо спросил парень.

— Сейчас тебе покажут, как мы умеем пользоваться мечами, — зло буркнул Таэда и приказал солдатам: — Этого первого.

— Невелико искусство — отрубить голову связанному человеку, — построил глумливую гримасу каторжанин. — Гораздо труднее это сделать, когда у него в руках тоже меч. Впрочем, я всегда был очень скверного мнения о самураях и вашем кендзюцу.

— Подождите. — Лейтенант жестом остановил солдат. — Ты хочешь сказать, что умеешь владеть мечом лучше нас, японцев?

— Я побью вашего сержанта даже палкой, — расхохотался каторжанин. — Только вот вряд ли вы осмелитесь мне ее дать. Рубите уже...

— Кобаяси, — лейтенант перешел на японский, — эта собака говорит, что побьет тебя даже палкой. Что думаешь?

— Так распорядитесь дать ему палку, господин лейтенант, — невозмутимо ответил сержант. — А лучше — меч.

— Это будет интересно, — сам себе сказал Таэда. — И поучительно. Рядовой Сато, позовите сюда господина полковника Харуми и господина генерала Харагучи. Скажите, что я приглашаю их на очень забавное зрелище. Ах да... принесите сюда саблю, — он показал на урядника, — этого старика. Она у меня в кабинете. Русская свинья недостойна брать в руки японский меч.

Через несколько минут на заднем дворе собралась целая толпа японцев во главе с сухопарым генерал-майором.

Лейтенант выступил в роли распорядителя.

— Господин генерал... — Он поклонился Харагучи. — Разрешите продемонстрировать вам неоспоримое превосходство японского духа и японского оружия. Русский пес утверждает, что может победить сержанта Кобаяси даже палкой. Но мы, японцы, — благородная нация, и я решил предоставить ему русскую саблю для уравнивания шансов.

Генерал с любопытством посмотрел на парня в каторжанской робе и кивнул. Русскому развязали руки, затем бросили ему под ноги шашку в потертых ножнах и с оборванным темляком. Остальных смертников ударами прикладов оттеснили в сторону.

— Храни тебя Господь, сынок, — успел шепнуть урядник. — Напой кровушкой мою милушку. На Кавказе кована, дед с войны привез. Вострил ее давеча, не подведет...

— Уж напою, отец. — Парень поднял оружие, бережно снял с него ножны, ласково провел ладонью по клинку и повторил: — Уж напою...

Солдаты выстроились перед генералом и офицерами, вскинули винтовки и встали на колени, чтобы не закрывать собой предстоящее зрелище. Трупы растащили в стороны, освободив импровизированную арену.

Сержант вышел в центр и ровным голосом сказал:

— Я посвящаю этот поединок его императорскому величеству Муцухито. Во славу Ямато! — После чего поклонился генералу и повернулся к русскому. — Я уважаю смелых людей, поэтому убью тебя быстро и безболезненно.

— Не понимаю, что ты там бормочешь, косая обезьяна, — буркнул парень, показал клинком на смертников и крикнул лейтенанту: — Если я убью вашего человека с одного удара, вы отпустите этих людей?

Лейтенант перевел генералу, почтительно выслушал ответ, после чего поинтересовался у русского:

— Его превосходительство генерал спрашивает, почему ты просишь не за себя, а за других?

Парень странно усмехнулся.

— Мне плевать, что со мной будет. Отчего-то кажется, что окончательно сдохнуть все равно не получится.

— Еще как получится, — усмехнулся японец и, переговорив с начальством, сообщил русскому: — Так и быть, мы отпустим их, но ты умрешь. Подумай хорошенько, стоит ли напрасно жертвовать собой?

— Я уже подумал. — Парень кистевым движением крутнул клинок в руке, удовлетворенно кивнул и встал напротив японца.

Едва прозвучал сигнал, как сержант с кошачьей грацией быстро скользнул вперед. Воздух разорвал резкий гортанный выкрик. А уже через мгновение все японцы взорвались возбужденными недоуменными восклицаниями.

Кобаяси упал на колени, катана с жалобным звяканьем выпала из рук, следом с шеи соскользнула голова и повисла у груди на лоскуте кожи. Из обрубка с торчащим сахарно-белым позвонком фонтаном выплеснулась черная кровь.

И только после этого на землю грузно повалилось само тело.

— Экая мне неловкая тушка досталась. — Парень тронул свое плечо и с усмешкой посмотрел на окровавленную ладонь. — Ну да ладно. Бастардом, наемником, бароном, графом и королем я уже был. Каторжником, получается, тоже успел. И куда меня дальше забросит?..

После чего развернулся к японцам, держа шашку слегка на отлете.

— Стоять! — выкрикнул лейтенант. — Еще шаг — и ты умрешь! Брось саблю!

Солдаты вскинули винтовки.

— Да пошел ты... — с усмешкой прошептал парень.

Но неожиданно покачнулся, застонал, обхватив голову руками, а потом ничком повалился на землю.

Несколько секунд все молчали, затем лейтенант отдал команду одному из солдат:

— Рядовой Таяси, проверь, что с ним.

Тот немедля подбежал к телу парня, присел рядом, взял каторжанина за запястье и через некоторое время растерянно развел руками.

— Извините, господин лейтенант, но он мертв. Совсем мертв. Не дышит, и сердце не бьется.

— Ты не ошибаешься? А ну ткни его штыком.

Солдат тут же выполнил приказ, но парень даже не шевельнулся.

— Наверное, сама Амаатерасу покарала его за дерзость! — напыщенно доложил лейтенант генералу.

Офицеры сдержанно закивали и загалдели. Генерал что-то недовольно буркнул лейтенанту и ушел.

Тот зло скривился и крикнул солдатам, показывая на пленных русских:

— Заканчивайте с этими!

Но полковник из свиты генерала вдруг резко развернулся и повелительно бросил:

— Вы ничего не перепутали, лейтенант Таэда? Вы собрались нарушить обещание господина генерала? Живо отпустить русских. Пусть заберут тело этого храброго воина и похоронят его по своему обычаю вместе с его оружием. Исполнять...

Таэда исполнительно козырнул, а потом крикнул русским:

— Забирайте эту падаль и проваливайте. Живо!

Прозвучала команда на японском языке, солдаты притащили носилки, погрузили на них обезглавленного сержанта и ушли. Следом за ними убрался лейтенант.

Русские так и остались стоять, на их лицах читалась полная обескураженность. Первым очнулся верзила в поддевке. Он подошел к парню, легко, словно пушинку, взял его на руки и прогудел уряднику:

— Пошли, вашбродь, чего стоять-то, ежели отпускают...

Старик вздрогнул, украдкой оглянулся, подобрал шашку с ножнами и, сильно прихрамывая, поспешил за товарищем.

ГЛАВА 1

— Вы что, желудки, хотите жить вечно?..

— Дык хоронить тащили, а он стонать начал, живой, значит, куды ж его в землицу? Человек-то золотой, спас нас всех. Выходи, сестричка, Христом Богом молю, ты же умелица, народишко молится на тебя...

— Кровавый крест бессмертен! Аркебузиры, вздуть фитили!..

— Барышня, пожалуйста, не выходим мы его...

— Пики, товсь, держать строй!..

— Милая, хучь на седмицу оставь его у себя, куда мы с ним, пропадет ведь...

— Я, великий кайзер Священной Римской империи Фридрихус Третий Габсбург, правом, данным мне...

— Мы токмо своих найдем и мигом вернемся, ей-ей, вернемся, не сомлевайся...

— Я, герцог Карл Бургундский, гроссмейстер ордена Золотого Руна, правом, данным мне, принимаю тебя...

— Хорошо, хорошо, пусть остается...

Пробивающаяся через багровый туман невообразимая мешанина голосов наполняла голову адской болью, каждое слово пронзало мозг, словно каленое железо.

Из груди сам по себе вырвался надрывный вопль:

— Заткните-э-эсь!!!

И голоса вдруг стихли, наступила благодатная тишина, со всех сторон начала подступать мягкая обволакивающая темнота, как вдруг громогласным эхом прозвучал торжественный речитатив:

— Король умер, да здравствует король...

А еще через мгновение темнота сменилась ярким ослепляющим светом. Вспышка заставила зажмуриться, но почти сразу же глаза вновь распахнулись. Клочки алого тумана рассеялись, открыв... закопченный бревенчатый потолок. Пучки сушеных растений на натянутых веревочках... Узорчатая паутинка... Рыжий усатый таракан, шмыгнувший в угол...

— Что за?.. — Я снова зажмурился, с силой провел ладонью по лицу, а когда вновь открыл глаза, понял, что ничего вокруг не изменилось.

Небольшая комната, бревенчатые стены, сложенная из дикого камня печка, немудреная мебель ручной работы: стол, лавки и даже что-то вроде комода. Рамки для чистки шурупов, связка капканов, подбитые мехом лыжи, еще какое-то охотничье снаряжение.

На первый взгляд обстановка напоминала промышленное зимовье. Вот только висевший в углу белый докторский халат, пучки сушеных лекарственных растений и фонендоскоп на полке немного выбивались из общей картины. Изящное дамское зеркальце на столе и томик в переплете из тисненой кожи — тоже.

— Больница? — Я глянул на себя и обнаружил, что лежу в одном белье на топчане, застеленном потертой шкурой.

Шкура непонятной принадлежности, возможно, оленя или косули, белье из тонкого, но ветхого полотна, чистое и сильно застиранное. Обычное мужское нательное белье, чем-то смахивающее на советское армейское, но не на завязках, а на пожелтевших от времени костяных пуговицах.

Попробовал приподняться на локте и тут же поморщился от тупой боли в боку. Не столько сильной, сколько неожиданной. Задрал нательную рубашу и уставился на багровый рубец, идущий с левой стороны груди куда-то под мышку. А это откуда взялось?

Рана уже затянулась, но швы еще не сняли. Аккуратные, мастерски выполненные швы, правда выполненные обычной суровой ниткой.

При всем этом я абсолютно не помнил, где и когда получил рану, не говоря уже о том, как сюда попал. И самое главное, напрочь забыл, кто я такой есть. Попытка вспомнить ничего, кроме головной боли, не принесла.

Немного поколебавшись, сел на топчане. Рана слегка ныла, хотя общее состояние оказалось вполне удовлетворительным. Руки и ноги работали исправно, правда, подрагивали от сильной слабости, а голова слегка кружилась.

А еще я обнаружил, что дико голоден. Но к поискам съестного приступить не успел, потому что внезапно послышался азартный собачий лай, прервавшийся хлестким выстрелом. Собака жалобно взвизгнула, а после второго выстрела окончательно замолкла.

Кто-то расхохотался и бросил фразу на странном, непонятном языке. Ему ответили сразу несколько человек на том же языке, неожиданно опознанном мной как японский.

Открытие трансформировалось в вопрос к самому себе: «Какие, к черту, японцы? Откуда?»

Ответа не нашел, но сознание услужливо подсказало, что слово «японец» тождественно слову «враг» и прямо ассоциируется со смертельной опасностью.

Машинально повел глазами по комнате и наткнулся взглядом на стоявшее в углу оружие, напоминающее собой копье или острогу. С длинным листовидным наконечником, бугристым древком и перекладинкой на плетеной сыромятной веревочке.

— Охотничья медвежья рогатина, — сделал я уверенный вывод. — Сойдет...

Резко встал и сразу же чуть не повалился на пол от сильного головокружения.

— Черт... — Устояв только чудом, я все-таки дотопал до рогатины и ухватился за ее древко обеими руками.

За стенами грохнул очередной взрыв хохота.

Чей-то гнусавый тонкий голос глумливо пропищал:

— Русики девоска, русики девоска, япона хоросый, не надо бояся...

— Да что за?.. — озадачился я и, опираясь на рогатину как на палку, пошел к выходу из комнаты.

Скрипнула дверь. Яркий свет после сумрака комнаты вышиб из глаз слезы, но я все-таки успел рассмотреть во дворе группу солдат в форме мышинового цвета, фуражках с красными околышами и белых гетрах. Винтовки висели у них за плечами, а у одного, видимо, офицера, пояс оттягивали кобура и самурайский меч в ножнах.

Японцы стояли вокруг худенькой стройной девочки лет десяти — двенадцати, сидевшей на коленях на земле. В правой руке девочка держала маленький ножик, а левой прижимала к себе окровавленное тельце маленькой кудлатой собачки.

Как бы странно это ни звучало, она не выглядела испуганной, на смуглом красивом личике и в большущих, слегка раскосых глазах просматривалась только дикая злость.

— Хороси девоска... — Офицер протянул руку, но тут же болезненно вскрикнул и отдернул ее — девочка молниеносно полоснула его по запястью ножиком.

Прозвучала команда на японском, один из солдат пинком опрокинул ребенка, а второй ухватил ее за тоненькие косички и потащил к сараю. Остальные, весело переговариваясь, потопали следом. Меня они не видели, полностью поглощенные забавой.

В мозгах плеснула свирепая ярость.

— Не так быстро, косорылые. — Я вскинул рогатину и метнулся к японцам.

Услышав шаги, солдаты разом обернулись. Рывок, резкий косой взмах.

— Раз и два...

Матово блеснувшая сталь с хрустом вспорола плоское лицо первого солдата, плечо второго вместе с рукой плавно соскользнуло вниз. Воздух разорвал пронзительный визг, который тут же сменился сиплым булькающим хрипом.

— Три...

Офицер попытался выхватить пистолет, но только бесполезно тыкал в кобуру культей, из которой весело хлестал ядо-

вито-красный фонтанчик. Коротко пырнув его в живот, я присел на правую ногу и, резко крутнувшись, выпустил рогатину на полный мах.

Клинок хлестко вспорол воздух. Протяжно воя, круглолицый крепыш ткнулся обрубками ног в траву. Зажав распоротое горло обеими руками, навзничь опрокинулся тощий коротышка.

— Четыре и пять...

Организм отчаянно протестовал, мышцы натужно ныли, суставы скрипели, сердце бухало, как гигантский тамтам. Казалось, еще немного — и оно взорвется, но тело раз за разом исправно повиновалось командам мозга. А все эти вопли, хрипы умирающих людей, сладковатый запах крови и смрад человеческих внутренностей доставляли очень острое, почти на грани сексуального, наслаждение.

Двое солдат, забыв про свои винтовки, попытались схватить меня за рубаху и повалить на землю.

— Мало каши ели, собачата...

Скользкий шаг влево, резкий выпад одновременно с нырком. Клинок вошел под лошадиный подбородок высокого крепыша, и тут же окованный затыльник древка обратным движением с хрустом пробил грудь очередного японца.

— Шесть и семь...

— А-а-а!!! — Один из солдат, держа на вытянутых руках впереди себя винтовку и пронзительно вопя, побежал прямо на меня.

Быстрый разворот с шагом в сторону и скупым косым махом... Беззвучно ощерив рот и разбрасывая веером алые брызги, взлетела в воздух бритая голова. Часто топоча ногами, японец понесся дальше, но через несколько шагов, разломав хлипкий заборчик, обезглавленное тело боком завалилось в небольшой огород.

— Восемь...

Девятый солдат жалобно всхлипнул, бросил винтовку и понесся в сторону леса.

Я хмыкнул, крутнул в руке рогатину клинком к беглецу, замахнулся, но метнуть ее не успел.

За спиной сухо треснул выстрел, затылок японца взорвался кровавыми ошметками, а он сам ничком рухнул в заросли папоротника.

— Что за... — Я резко развернулся и увидел высокую стройную девушку в накинутаой поверх черного длинного платья меховой безрукавке, стянутой широким кожаным поясом, и в такой же, как у девочки, вышитой бисером маленькой шапочке.

Смуглая, с большущими глазами и толстой иссиня-черной косой, переброшенной на грудь. В руках она держала винтовку и уверенно целилась уже в меня.

Чуть позади девушки застыло трое низкорослых мужчин в странных коротких халатах, напоминающих собой кимоно, и высоких, перевязанных ремешками под коленом броднях из сыромятной кожи. Определить национальность аборигенов с ходу не получилось, потому что их чумазные лица, заросшие до глаз густыми черными бородами, неожиданно отличались вполне европейскими чертами.

Они ни в кого не целились, хотя за плечами торчали стволы винтовок, а просто стояли и держали в поводу запряженных в самодельную сбрую невысоких косматых оленей с громадными ветвистыми рогами.

Повисла пауза. И первым ее нарушил я.

— Прошу великодушно простить меня, благородная дама... — Фраза вырвалась почему-то на французском языке, но на каком-то очень странном, чудовищно архаичном. — Осталось незавершенным еще одно дело...

Я неспешно подошел к японскому офицеру, пытающемуся куда-то уползти, и пинком развернул его на спину. Клинок рогатины уперся в грудь, продавив сукно мундира. В глазах японца плеснулся ужас. Я ласково улыбнулся и нажал на древко. Раздался тихий хруст. Наконечник медленно, по сантиметру, плавно входил в грудную клетку, офицер то-ненько верещал и судорожно дергал конечностями.

Наконец острое клинка скрипнуло о землю. Я еще раз улыбнулся, после чего резким прокрутом вырвал рогатину из тела, снова обернулся к девушке и склонился в манерном

поклоне. Очень неестественном для этого времени и обстоятельств, но исполненном на автомате, как само собой разумеющееся.

— К вашим услугам, дамуазель...

И только сейчас почувствовал, как устал. Сил не осталось даже держаться на ногах, и я был вынужден опереться на рогатину. В глазах поплыл кровавый туман, сменившийся крошечной темнотой.

Что было дальше, я не помню, но очнулся на том же топчане, заботливо укрытый стареньким и потертым, но чистым одеялом. Все тело отчаянно ныло, болели даже кости, но голова оставалась совершенно ясной, и я прекрасно помнил все, что случилось с японцами. Но только это, остальное так и оставалось стертым из памяти.

Открыв глаза, попытался встать, и тут же чья-то рука мягко, но настойчиво вернула меня на топчан.

— Думаю, вам не стоит пока вставать.

Рядом на табуретке сидела та же девушка, что целилась в меня, но уже без винтовки, чинно, по-домашнему сложив руки на коленях. Винтовка (а точнее, короткий карабин с рычагом «Генри») стояла неподалеку, прислоненная к столу. Так, чтобы можно было быстро схватить.

Меховая безрукавка исчезла, вместо нее появились браслеты, массивные, явно старинные серьги и ожерелье из чеканных серебряных бляшек. На поясе незнакомки висел кинжал с роговой рукояткой, но не дамская игрушка, а серьезное оружие, с длинным и широким клинком, в кожаных ножнах, украшенных латунными пластинками. Судя по потерностям, кинжалом очень часто пользовались.

— Простите, демуазель... — выдавил я из себя, отчаянно стараясь преодолеть головокружение и тошноту.

— На каком языке вы говорите? — Девушка удивленно вздернула брови. — Очень похоже на французский, но я почти ничего не понимаю, хотя свободно на нем говорю. Это какой-то диалект? И почему вы меня называете... «демуазель»?

— Вельми благодарствую, отроковица... — на этот раз, к дикому своему удивлению, я вообще заговорил на древнерусском.

— Вы издеваетесь надо мной? — Голос девушки оставался спокойным, но в нем появились отчетливые холодные нотки.

Я растерянно улыбнулся и наконец перешел на нормальный современный русский язык.

— Простите, сударыня, ни в коем разе не хотел вас обидеть. Я и сам не знаю, откуда все это. Кажется, со мной не все в порядке.

— Возможно, это последствия нервного потрясения или контузии... — Девушка смягчилась. — Хотя я не обнаружила у вас следов повреждений на голове. Но об этом поговорим позже. А сейчас я хотела бы поблагодарить вас.

Она плавно встала и сделала книксен.

— Майя Александровна Серебрякова. Девочка, которую вы спасли от японцев, — моя сестра, Мадина Александровна Серебрякова... — И на мой молчаливый вопрос Майя пояснила: — Она сейчас хоронит Дружка, свою собаку.

Пользуясь случаем, я пристально рассматривал хозяйку избушки. Судя по внешности, девушке было не больше девятнадцати-двадцати лет, но сдержанное, полное достоинства поведение и густой звучный голос сильно дисгармонировали с совсем юным внешним видом. Несмотря на абсолютно русские отчество и фамилию, вряд ли она была чистокровной славянкой, но национальность я так и не угадал. Хотя крестик на груди свидетельствовал о том, что девушка не мусульманка.

— Мы выражаем вам свою признательность, — продолжила Майя.

В этот момент скрипнула дверь и в комнату вошла девочка, удивительно похожая на свою сестру. Несмотря на пережитое, ее личико оставалось совершенно спокойным, чему я особо не удивился: чтобы в таком возрасте пырнуть ножом врага, надо иметь немалое самообладание.

Повинуясь строгому взгляду Майи, она подошла к топчану, быстро присела в книксене, после чего положила правую ладонь себе на грудь и слегка поклонилась мне.

— Мадина благодарит вас, — перевела девушка.

Напрашивалось ответное представление, но я, как ни старался, до сих пор ничего про себя не вспомнил, в чем честно решил признаться.

— Не стоит благодарностей, дамы. Я сделал то, что должен был сделать любой мужчина. Но прошу простить, я ничего не могу о себе рассказать. Просто не помню, кто я такой. Мало того, даже не представляю, где я и как здесь очутился.

При этом во время признания неожиданно обнаружил, что даже не узнаю свой голос, и это повергло меня в еще большее смятение.

Ожидал, что сестры не поверят, но они так и остались совершенно бесстрастны. Мадина молчала, а Майя спокойно подсказала:

— Вы находитесь на Сахалине. В нашем доме, неподалеку от реки Пиленги. Вас сюда принесли три дня назад два человека: старик и очень большой мужчина, немного похожий на медведя. Его звали Лука, так к нему обращался старик.

Мадина слегка кивнула в подтверждение.

— Вы были без сознания и ранены, с глубокой колотой раной в левом боку. Удар наносили в грудь, но, к счастью, клинок скользнул по ребрам. Рану я обработала и зашила, но вы все это время так и оставались без сознания. Даже не бредили, находились словно в летаргии. А еще... — Майя подошла к сундуку в углу комнаты и извлекла из нее шашку в потертых ножнах, изукрашенных потемневшим серебром. — Старик дал мне эту шашку, сказал, что она теперь принадлежит вам. Вот и все, что я могу сказать. Ах да, эти мужчины еще говорили, что вы их спасли, но подробностей не упоминали.

Майя подошла и положила шашку рядом со мной. Я прикоснулся к ее оголовью... и неожиданно вспомнил все. Абсолютно все. Голову пронзила острая нестерпимая боль, а перед глазами с ревом понесся поток зрительных образов.

Ощущения были ужасные, в мозг как будто налили раскаленного свинца. Впрочем, пытка продолжалась недолго, я почти сразу потерял сознание, а когда в очередной раз пришел в себя, от неприятных ощущений не было и следа. Память осталась при мне, правда... все то, что я узнал о себе, было... как бы сказать... Меня это очень сильно ошарашило, мягко говоря. Впечатления были такие, словно я примерил костюм с чужого плеча. Идеально пришедшийся по фигуре, но... все-таки чужой. И, даже несмотря на то, что я вспомнил абсолютно все, вплоть до мельчайших подробностей, вопросов возникло едва ли не больше, чем полученных ответов.

Майя и Мадина все еще находились рядом, видимо, беспомощность продлилось очень короткое время.

Заметив, что я открыл глаза, Майя озабоченно поинтересовалась:

— Как вы себя чувствуете? Вы находились в очередном обмороке. К счастью, недолгом.

— Не стоит беспокоиться... — Улыбка вышла слегка натянутой. — Все уже в порядке. Но я все вспомнил и готов назваться. Я — Любич Александр Христианович, в прошлом — офицер отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи, а ныне — каторжник...

ГЛАВА 2

— ...а ныне — каторжник...

С последним словом немедля нахлынула лавина воспоминаний.

Изящный дамский будуар, с высокой спинки кровати свисает прозрачный шелковый чулок, под ним на полу — мужские кальсоны ярко-кремового цвета. Красивая обнаженная женщина одной рукой стыдливо натягивает на грудь простыню, а второй испуганно прикрывает глаза.

Нервный, плаксивый крик разрывает мозги:

— Нет, нет, Алекс, это не то, что ты подумал...

Рядом с женщиной стоит тощий голенастый мужчина в одной нательной рубашке и сползшем на щиколотку левой ноги носке. Лицо у него растерянное, потное и красное, в глазах одновременно испуг и наглое торжество.

— В самом деле, Сашка, не стоит делать преждевременных выводов. Ничего страшного не произошло, мы же друзья...

Ладонь судорожно стискивает рукоять револьвера. Во лбах женщины и мужчины почти одновременно появляются маленькие темные пятнышки. И только потом раздается сдвоенный грохот выстрела.

Видение было такое яркое и живое, что я даже почувствовал запах пороха. Сердце кольнули стыд и обида, скулы свело от злости, противно скрипнули сжатые зубы. Но все эти чувства перебило дикое недоумение, выразившееся в немом яростном вопросе: «Да кто вы все такие?»

И в то же мгновение наваждение исчезло. Дело в том, что я прекрасно узнал в героях сцены жену и лучшего друга, а точнее, бывшего лучшего друга, узнал самого себя, но, кровь и преисподняя, одновременно понял, что на самом деле вижу их в первый раз. Это выглядело так, как будто я вел под венец абсолютно незнакомую женщину, но при этом был совершенно уверен, что ее люблю.

«Да что за черт?! — Идиотизм ситуации едва не вызвал помешательство. — Как такое может быть, это же мои воспоминания? А если не мои, тогда чьи?..»

Но тут же опомнился, выбросил из головы все дурные мысли и посмотрел на своих новых знакомых. Честно говоря, ожидал какой угодно реакции, но только не такой. Можно было подумать, что я далеко не первый каторжник, с которым им приходилось иметь дело. Потому что сестры остались совершенно невозмутимы, а в глазах девочки даже мелькнуло нечто, похожее на сочувствие. Впрочем, Сахалин — одна огромная каторга, так что каторжане здесь далеко не редкость, скорее обыденность. Так что могли давно привыкнуть. Но что они здесь делают? Да еще сами, без взрослых?

— Рады знакомству, Александр Христианович, — нейтрально ответила Майя, и девушки еще раз присели в книксене.

«Пусть так... — озадаченно хмыкнул я про себя. — Впрочем, после последних откровений о моей личности уже не стоит чему-либо удивляться...»

И тут же спохватился. Какого черта, совсем от реальности оторвался, идиот.

— Дамы, я немного намусорил в вашем дворе, и этот мусор следует немедленно убрать подальше, чтобы не привлечь диких зверей или кого еще похуже. К тому же после случившегося вам не стоит здесь надолго оставаться — японцы будут искать пропавших и рано или поздно обязательно снова сюда заявятся.

— Трупы уже убрали наши друзья, — спокойно, будто речь шла об обычном мусоре, ответила Майя.

— Друзья? — Я вспомнил бородатых волосатиков в кимоно. — Это...

— Да, наши друзья, айны, — подтвердила девушка. — Их еще здесь неправильно называют гиляками.

— А оружие?

— Не беспокойтесь, все собрали, ничего не пропадет, айны — кристально честные люди, — сухо бросила Майя. — А что до японцев, то они появятся здесь не скоро. Наш дом расположен в трех днях пути от ближайшего населенного пункта, к тому же теперь айны наблюдают за всеми дорогами сюда и вовремя предупредят нас. Но вы правы, к сожалению, может так случиться, что нам придется скоро уйти.

В первый раз за все время нашего короткого знакомства на лице Майи отразились эмоции, скорее всего — досада, да и то — очень сдержанная.

Н-да... железная девица. Ее сестрица Мадина слегка эмоциональней, хотя тоже сухарь еще тот. Впрочем, возможно, на то есть серьезные причины, я о сестрах пока ничего не знаю.

Внезапно дикий голод опять дал о себе знать, и я невольно покосился на аппетитно булькающий закопченный коте-

лок в очаге, из которого исходил умопомрачительный аромат мясного варева.

Майя проследила за моим взглядом и тактично заметила:

— Скоро будем ужинать, Александр Христианович, но прежде мне стоит вас осмотреть. Подозреваю, что после недавних событий на ране могли разойтись швы... — И неожиданно добавила: — Право слово, не ожидала такой подвижности, так как вас доставили в очень плачевном состоянии. Признаюсь, я наблюдала за схваткой едва ли не с самого начала, но не стреляла, вы двигались так быстро, что я боялась попасть в вас.

— Сам от себя не ожидал... — машинально ответил я и тут же, чтобы скрыть оплошность, похвалил девушку: — Вы отлично стреляете, Майя Александровна.

Но Майя пропустила похвалу мимо ушей и вместо ответа что-то жестом приказала сестре. Та немедленно притащила потертый кожаный саквояж, устроилась было на краешке топчана, чтобы наблюдать за перевязкой, но после очередного повелительного жеста сестры скорчила недовольную гримаску и убралась к печке помешивать ложкой суп. Впрочем, она не забывала украдкой бросать на меня заинтересованные взгляды.

Во время осмотра выяснилось, что швы не разошлись, правда, из-под них началось легкое кровотечение. Майя тщательно промыла рану какой-то коричневой и едко пахнущей настойкой, после чего очень ловко и быстро наложила тугую повязку из полосок грубой домотканой ткани. Такой профессионализм в обращении с ранами вызывал откровенное удивление, особенно в исполнении женщины, да еще столь юного возраста. Откуда? Я слышал, что в Европе допускают к обучению медицине женщин, правда, в очень редких случаях, но в России таковых пока и в помине нет. По крайней мере, я не встречал, как подсказывает память.

Вопрос буквально вертелся на языке, но задать его я не успел. Словно поняв мои мысли, Майя ответила сама. Опять — без тени каких-либо эмоций.

— Врачом был мой отец, — обыденно заявила она. — А я с восьми лет начала помогать ему, а с десяти уже ассистировала при операциях. Так сложились обстоятельства.

Я не нашелся что сказать в ответ и просто промолчал. А что тут скажешь? Интересная биография у девушки. Но посмотрим, чувствую, все самое интересное еще впереди.

Пользуясь моментом, я во время перевязки внимательно рассмотрел Майю и решил, что в ее роду без кавказцев или каких-нибудь жителей Балкан точно не обошлось. Иссиня-черные, слегка волнистые, пушистые волосы, римский нос с легкой горбинкой, выразительный подбородок, смуглая кожа прямо на это намекали. Классической красавицей девушку назвать было нельзя, но очень симпатичной — уж точно. А в ее громадных жгучих глазах я сразу утонул. Тысяча чертей и похотливые монашки, это не глаза, а бездонный омут какой-то.

Интерес не остался незамеченным, Майя казалась внешне бесстрастной, но при этом как бы невзначай так дернула за нитку шва, что я едва не взвыл от боли. Хотя рассматривать Майю не перестал, правда, теперь делал это украдкой. Не то чтобы испугался, просто из вежливости.

После перевязки мне подложили под спину свернутую шкуру и вручили маленькую деревянную мисочку с крепчайшим бульоном, слегка сдобренным крохотными кусочками мяса, рисом и черемшой. И совсем маленький кусочек черствой пшеничной лепешки. Майя объяснила микроскопическую порцию тем, что я долго голодал и могу пострадать от обильной пищи. Впрочем, я не собирался жаловаться и мигом подмел пайку. Наестся не наелся, конечно, но мучительные голодные спазмы в желудке прошли.

Сестры отужинали тем же, но за столиком, и не сказал бы, что порции у них были сильно больше. А после еды Мадина устроила сеанс активной жестикуляции с сестрой, добилась ее неохотного кивка, после чего подошла ко мне и присела рядом на табуретку.

Секунду помедлила и принялась что-то экспрессивно объяснять жестами.

— Мадина перестала говорить после смерти отца, — чуть помедлив, сообщила Майя. — А сейчас она хочет сказать, что ей очень понравилось, как вы рубили японцев.

Девочка активно закивала, прикоснулась к своему ножу и требовательно посмотрела на сестру. Та в ответ бросила несколько слов на гортанном отрывистом языке, но Мадина упрямо замотала головой.

Майя нахмурилась, но все-таки перевела:

— Мади говорит, что она тоже умеет, но не так ловко. И просит вас показать несколько приемов.

Я невольно улыбнулся; ну точно, дитя гор, хоть и девочка. Впрочем, мне не жалко.

— Обязательно научу. Можно посмотреть твой клинок? — И я показал на нож девочки.

Я уже давно на него косился, а тут решил воспользоваться случаем и рассмотреть необычное оружие поближе. Мадина охотно кивнула, отвязала его от пояса и подала мне. Я бережно взял нож и вытащил клинок из ножен.

Что тут у нас? Похож на японский кайкен, правда, и отличий хватает. Форма клинка почти такая же, но более изогнутая и сужается к острию, цуба полностью отсутствует, переход от клинка к рукоятке почти никак не обозначен. Но присутствует странная вогнутая выемка от середины рукоятки к оголовью. У кайкена ножны с рукояткой выглядят одним блоком, а линия стыка почти незаметна, а тут — совсем наоборот: ножны кожаные, изящно оплетены тисненными ремешками, а сам нож входит в них ровно до середины рукоятки, почти как финский пукко. Работа прекрасная, на рукоятке из белой кости — геометрические рисунки, сам клинок выкован из отличного металла, на стали есть своеобразный узор, что свидетельствует о множественной проковке слоев. Какая-то неизвестная разновидность японских ножей? Надо же, никогда ничего подобного не видел, хотя о холодном оружии знаю почти все.

И тут же поразился сам себе. Кто знает? Я знаю? Судя по подсказкам памяти, я вообще не разбираюсь в клинках и никогда толком ими не интересовался. А тут — на тебе, прямо

экспертом вдруг стал. Попытка найти в воспоминаниях хоть какое-то объяснение такому парадоксу опять вызвала головную боль, и я решил больше не копаться в прошлом. Знаю да и знаю, черт бы эти загадки побрал.

Ситуацию с ножом неожиданно прояснила Майя.

— Это менокомакири, женский нож айнов, — подсказала она. — Его Мадине подарила Ано, жена вождя племени.

По лицу Мадины пробежало недовольство и нетерпение, и я решил больше не вдаваться в историю японского холодного оружия.

— Смотри внимательно... — Я принялся показывать девочке, как правильно менять хват и наносить скрытые удары от пояса.

Занятие затянулось, Мадина была в полном восторге, да и я получил неожиданное удовольствие от общения с девочкой. Майя в забаве не участвовала, но особого негодования я не заметил.

Когда пришло время спать, сестры удалились в соседнюю комнату — за шкурой на стене обнаружилась дверь, — а меня оставили в горнице. Майя предупредила, что удобства во дворе, после шелкнул засов. Карабин она забрала с собой.

Ну... на полное доверие я и не рассчитывал. Да и надо ли оно мне? Спасибо, что приютили, а дальше... дальше посмотрим, сначала надо на ноги встать.

Глаза отчаянно слипались, но перед сном я решил подвести итоги дня и разобраться со своей вновь обретенной личностью.

Итак, моя краткая биография звучит примерно таким образом. Любич Александр Христианович, тридцати одного года от роду, происхожу из старинного, но давно обедневшего дворянского рода. Все, чего добился, — добился своими руками и головой. После окончания Павловского военного училища отправился служить в Восточносибирский стрелковый полк начальником охотничьей команды. Сыграло умение хорошо стрелять, я был лучшим стрелком курса в училище, откуда не без протекции перевелся в отдельный корпус пограничной стражи.

Начал поручиком, субалтерном, отмечен наградами и множественными поощрениями по службе — погонял хунхузов власть, быстро дослужился до чина штабс-ротмистра и командира линейного отряда. Далее благополучно поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но перед самым окончанием был отчислен за женитьбу без разрешения, что категорически запрещалось слушателям. Жену без памяти любил, но через год после свадьбы застрелил вместе со своим другом, застав за интересным занятием. За что был осужден на двадцать пять лет каторги. Заслуги перед родиной не помогли, снисхождения не случилось, так как жена, да и друг — происходили из богатых влиятельных семей, и родственнички постарались, чтобы меня уpekли по полной.

Что еще... Знаю французский и китайский языки, последний выучил самостоятельно, в Приамурье китайцев хоть пруд пруди. Спортсмен, серьезно занимался гимнастикой и боксом. Охотник и рыбак, обожаю огнестрельное оружие, хорошо стреляю. Служба в погранстраже привила многие полезные навыки.

Наказание отбывал в Александровске, попал туда чуть более года назад, с тюремной администрацией испортил отношения до такой степени, что не вылезал из карцера и назначался на самые тяжелые работы, мало того, меня даже не брали в ополчение до самого последнего момента как крайне неблагонадежного. С простыми каторжниками, наоборот, вполне ладил, ходил если не в «иванах», то авторитетом пользовался. Но это если кратко — жизнь была очень насыщенной и нелегкой, а сам я — человеком сложным и противоречивым.

А теперь — самое интересное. Свои воспоминания я воспринял как величайшее откровение, и себя в них не узнавал совершенно, хотя теперь все помнил чуть ли не с самого младенчества. Мало того, копаясь в биографии, некоторые свои поступки категорически не понял. Это же надо — бросить академию из-за женщины, пусть даже богатой и красивой. А потом, пришив сладкую парочку без свидетелей, абсолют-

но чисто, пойти и сдать в полицию. Идиот, да и только. Хоть режь, не мог я так поступить!

Но и это далеко не все. Никаких следов увлечения старофранцузским и древнерусским в моей биографии нет, а тут — на тебе, свободно на них говорю. Присказки вроде «три тысячи чертей», «кровь и преисподняя» я тоже никогда не употреблял.

Как уже говорил, согласно четким воспоминаниям холодным оружием никогда не увлекался, разбираюсь в нем совершенно посредственно, во всяком случае, айкути от танто никогда не отличу. Адское пекло! Да я даже не подозревал о таких названиях до того, как пришел в себя в этой избушке.

Дальше — лучше: ну не мастер я фехтования, шашку в руках держал, но только в рамках училищной программы, по типу «справа закройся, прямым коли». Не больше. А тут уже успел нашинковать чуть ли не взвод косоглазых. То, что это не мое умение, подтверждает тело — до сих пор едва руками шевелю. Да, истощен и ослаблен после ранения, но мышечную память никто не отменял. А ее у меня нет! Точно знаю. Тело отвечает на команды мозга, но выработанных четких рефлексов нет и в помине.

Но и это не все. У меня вызывает искреннее удивление тот факт, что я сейчас нахожусь на Сахалине в тысяча девятьсот пятом году. Да и сама эпоха — тоже. Вообще идиотизм, когда ходил в уборную, начал искать, где отвязывается гюльффик (знать бы еще, что это такое), хотя достаточно было просто расстегнуть пуговицу на поясе. И еще машинально перекрестился на... на латинский манер. Православный с рождения так никогда бы не сделал. Да что за бред?

И самое пакостное, когда начинаю искать причины таких парадоксов, в башке вспыхивает сплошной ад, словно там танцует канкан целая орда паршивых айнов. А вот «свои» воспоминания как раз никакого беспокойства не вызывают.

Вот будет хохма, если посмотрю в зеркало и не узнаю свою рожу. Стоп, а почему бы и нет?

— Зеркало, зеркало... — Я повертел головой, с трудом слез с топчана и, пошатываясь, побрел к столу, где стояло небольшое дамское зеркальце в изящной оправе.

Слегка поколебался, заглянул в него и обреченно выдохнул:

— Господи...

В зеркале отражалась абсолютно не моя физиономия. Голубоглазый блондин? Да чтоб тебя! Хоть на плакат времен Третьего рейха о превосходстве нордической расы! Может, я просто свихнулся и брежу?

ГЛАВА 3

Перед сном ломал себе голову над тем, что такое Третий рейх и нордическая раса, но так ничего и не вспомнил. Вроде как уже во сне нашупал подсказку, но, тысяча чертей и тысяча блудливых монашек, поутру все напрочь забыл. Правда, проснулся отдохнувшим, рана почти не болела, голова — тоже, но тело по-прежнему бастовало, пожалуй, даже сильнее, чем вчера.

Во сколько проснулся, не знаю, но на дворе было уже светло. Комната пустовала, на табуретке рядом с топчаном стояла жестяная кружка с остывшим травяным отваром, а на блюдечке, прикрытом чистой тканью, лежал черствый кусочек лепешки, густо намазанный медом.

Пока спустил ноги с топчана, вспомнил все ругательства, что знал. Первым делом слопал завтрак, парой глотков влил в себя отвар и принялся пытаться расхаживаться. Один Господь знает, каких мук мне это стоило, но примерно через полчаса я смог почти без стонов доковылять до двери во двор. В лицо ударило яркое солнышко, я проморгался, переступил через порог и принялся вертеть башкой по сторонам, так как вчера в горячке боя ничего толком не успел рассмотреть.

Как очень скоро выяснилось, подворье выглядело вполне прилично для затерянной в непролазной лесной глуши охот-

ничьей избушки. Огородик, загончик с парой черных лохматых коз, несколько сарайчиков и даже небольшая конюшня. Да и сам домик, крытый деревянной дранкой, оказался вполне добротным пятистенком, сложенным из мощных бревен, с основанием из дикого камня. Правда, сравнительно небольшим.

А вот аборигенов во дворе и даже вне его оказалось уж как-то сильно много. Причем не только волосатиков в кимоно, но и плосколицых узкоглазых товарищей в летних кухлянках, видимо, гиляков. Все они кучковались отдельно, сидели группками на земле и мирно чего-то ждали.

Едва я переступил порог, как туземцы повскакивали на ноги (на земле остались только несколько, почему-то лежащих на волокушах) и принялись с разной степенью экспрессивности и на разный манер мне кланяться. Но все как один — очень почтительно.

Не сразу сообразив, в честь чего чествование, я отбойрился важным сухим кивком, вышедшим очень естественно, словно я давно привык к тому, что предо мной шапки ломают, примостился на лавочку у стены домика и искал взглядом следы вчерашней баталии. Но никаких следов резни уже не наблюдалось; ни трупов, ни крови — какие-то старательные уборщики присыпали дворик земелькой и даже утоптали ее.

От японцев остались только прислоненные рядком к избе винтовки и аккуратно сложенное в кучку снаряжение, вплоть до ботинок, фуражек и обмоток. И даже наименее пострадавшие элементы формы, в основном кителя, хотя все равно они были сильно заляпаны кровью. Н-да... действительно, кристально честные парни. Но окровавленное тряпье зачем с трупов сдирать? Впрочем, какая разница?

Я вытащил из ножен шашку, которую прихватил из избушки, и принялся внимательно ее рассматривать. Надо же... Очень скоро стало ясно, что мне достался настоящий раритет. Типичная кавказская шашка, легонькая, но длинная, кабы не под метр. Клинок очень слабо изогнутый, почти прямой, под обухом — три узких дола. Металл сероватый,

с четко выраженным мелким рисунком, возможно, даже настоящий булат. Рукоятка медная, сплошь покрытая серебром, с удивительно мастерской тонкой гравировкой в виде переплетений листьев и цветов. Ножны деревянные, обтянутые змеиной кожей и с серебряным стандартным прибором: устьем, двумя обоймицами и наконечником. Но устье и наконечник длинные, с такой же чеканкой, как на рукояти.

Думал, что найду клеймо «гурда», которое на Кавказе лепили кому не лень и куда не лень, но нашел только печать мастера в виде головы волка и краткую арабскую вязь под ней. Ну... неизвестных мастеров и шедевров в их исполнении хоть пруд пруди, а узнаваемыми в истории остаются лишь раскрученные массовые бренды.

Кожа на ножнах местами потрескалась, серебро потемнело, а на клинке наблюдались легкие зазубрины, но все равно сохранность великолепная, особенно если учесть, что клинок, скорее всего, конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века. Однозначно повезло — достойное приобретение.

«Вот откуда я все это знаю?» — в который раз озадачился я.

И в который раз не нашел ответа. Мелькнула мысль, что я совсем другой человек, каким-то загадочным образом вселившийся в тело штабс-ротмистра, потерявший свою настоящую память, а взамен получивший память Любича. Но эту версию я сразу прогнал как крайне идиотскую. Загадка природы...

Отложил шашку и взял одну из трофейных винтовок. Что тут у нас? Вся маркировка нанесена иероглифами, но модель не осталась загадкой — в академии мы тщательно изучали едва ли не все стрелковое вооружение вероятных противников. К тому же такие иногда попадали мне в руки с хунхузами в Приамурье.

Итак, винтовка конструкции полковника Нарияки Арисака, модель — «Тип-30», то есть образца тридцатого года эпохи Мейдзи. Калибр — шесть с половиной на пятьдесят миллиметров, неотъемный пятипатронный магазин и штык

той же модели, что и винтовка. Исполнение качественное, все детали тщательно обработаны и подогнаны друг к другу. Честно говоря, так себе ствол, затвор даже пришлось прикрывать кожухом из-за склонности к загрязнению. Но точная, прикладистая и легкая, этого не отнимешь.

Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят — теперь кроме шашки у меня есть винтарь и куча патронов к нему. Осталось только какие-нибудь портки найти, и вообще будет славно.

Пока возился с винтовкой, прояснилось паломничество туземцев. Из пристройки вывели под руки одного из волосатиков с повязкой на глазах, после чего появилась Мадина в белом халате и жестом позвала следующего пациента.

Что тут непонятного — Майя и Мадина лечат местных. Да сестричек аборигены вообще за такое на руках носить должны и охранять самым тщательным образом. Хотя, скорее всего, дело так и обстоит. А заимка, видимо, является нейтральной территорией, потому что все эти племена, насколько мне известно, не особо уживаются друг с другом. Впрочем, все к лучшему. Вряд ли айны с гиляками осмелятся вступить в открытое противостояние с японцами, но сестер, в случае чего, надежно укроют.

Ну а я куда? Тут я задумался. Действительно, а что я буду делать дальше, когда встану на ноги?

Еще в Рыковском, где я сидел в плену у косоглазых, стало известно, что генерал-губернатор Сахалина Ляпунов, чтоб ему пусто стало, сдался в плен. Да, скорее всего, разрозненные отряды ополченцев все еще бродят по Сахалину, но организованное сопротивление практически сошло на нет — японцы вроде как заняли все крупные населенные пункты. В Александровском и Рыковском они точно есть. На юге, по слухам, вообще все заняли.

Выходит, вариантов у меня немного. Можно добраться до мыса Погиби к самому узкому месту Татарского пролива и каким-то образом переправиться на материк. Но уже сентябрь, а туда пехом пилить черт знает сколько. К тому же придется обходить населенные пункты, чтобы не нарваться

на узкоглазых. А сахалинская тайга — это не городской парк развлечений, тут не погуляешь. Природа здесь мерзейшая, особенно на севере. Я служил в Приамурском округе, где условия схожи с сахалинскими, так что знаю точно. В общем, отпадает, сгину однозначно. Сдаться — тоже верная смерть, да и не смогу я. При одной только мысли с души воротит.

Тогда что? Не сидеть же вечно на заимке? Может, попробовать прибиться к какому-нибудь отряду? Тоже верная смерть, но гуртом и подышать веселей. К тому же можно попытаться накрутить перед смертью хвост детям Страны восходящего солнца. Что-что, а стрелять я умею, рубить, получается, теперь тоже. Опыт стычек с хунхузами по бывшей службе богатый. А еще что-то подсказывает, что у меня вообще богатейший военный опыт, вот только какой и откуда, по-прежнему остается загадкой.

Я вздохнул. Сначала приоденусь, а то в одних шосссах... Черт побери, какие еще шоссы? Я же хотел сказать: «подштанники»!

Удивляться уже надоело, так что я решил вообще забыть на странности и полез рыться в трофеях — надо же обзаводиться каким-нибудь имуществом.

Глянул на меч офицера и сразу отложил его в сторону — обычный гун-то или мурата-то, по имени фабриканта-генерала, который начал это оружие штамповать. Сейчас в Японии, то есть в эпоху Мейдзи, усиленно изживают все самурайское и даже вместо самурайских мечей в армии ввели копии американских и европейских сабель. Дрянная подделка — металл паршивый, да и конструкция дурацкая. На фиг такое не надо.

Револьвер оставил себе — тоже дрянь, но короткоствол не помешает, к тому же к нему имеется дюжина патронов.

Затем открыл планшет офицера. Совсем новый, из добротной кожи, очень удобный и вместительный. Карандаш, компас, командирский свисток, письма, фото миловидной японки с высокой вычурной прической и в кимоно, на фоне сакуры... порнографическая открытка... А это что?

ГЛОССАРИЙ

антабка — приспособление для крепления и передвижения ремня ручного огнестрельного оружия

бюксфлинт — тип двуствольного оружия, где стволы представлены разными калибрами: один — гладкий (для дроби), а второй — нарезной (для пули). Иногда бюксфлинт называют «двойник»

дестреза — испанская техника фехтования. В буквальном переводе «мастерство», однако в литературе чаще всего переводится как «истинное искусство»

жильцы московские — так называлось некоторое количество детей дворянских и боярских, детей стряпчих и стольников, которым надлежало всегда жить в Москве и быть готовыми к службе и войне. Жильцы считались охранным войском, но использовались для различных поручений, например, развозить государевы грамоты

кайкен — кинжал, носимый мужчинами и женщинами самурайского класса в Японии, разновидность танто. Кайкены использовались для самообороны в помещении, где длинные катаны и средней длины вакидзаси были менее удобны и эффективны, чем короткие кинжалы. Женщины носили их в поясе-оби для самозащиты или (редко) для самоубийства (дзигаё). Можно было носить их и в парчовом мешочке с затягивающимся шнурком, позволявшим быстро

достать кинжал. Кайкен входил в число свадебных подарков женщине

кижуч — рыба семейства лососевых

котта — европейская средневековая верхняя одежда с узкими рукавами, напоминающая тунику

кувыркала — одна из низших ступеней в каторжной иерархии

кухлянка — глухая меховая куртка из шкуры оленя

майданщик — подпольный торговец на российской каторге

молескин — плотная и прочная хлопчатобумажная ткань с начесом на внутренней поверхности и гладкой глянцевитой лицевой стороной

нонкомбатанты — входящие в состав вооруженных сил лица, функции которых сводятся лишь к обслуживанию и обеспечению боевой деятельности

оголовье — верхняя часть рукояти клинкового оружия

орден Золотого Руна — рыцарский орден, учрежденный Филиппом III Добрым, герцогом Бургундским, в 1430 г. в день своей свадьбы с принцессой Изабеллой Португальской. Династический орден, одна из самых древних и почетных наград Европы

платье-роб — средневековая разновидность одежды

рутьеры — бродячая наемная дружина

стек — тонкая палочка с ременной петлей на конце, применяемая в том числе как хлыст при верховой езде

схоластика — европейская средневековая философия, сконцентрированная вокруг университетов и представляющая собой синтез христианского (католического) богословия и логики Аристотеля

турский ливр — основная счетно-расчетная единица во Франции 1230 — 1803 гг. Имеет прозвище «монета, которой никогда не было». Турский ливр использовался как мера стоимости. Как монета ливр весом 8,024 г (7,69 г серебра) выпускался только один раз, в 1656 г.

хунхузы — члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во 2-й половине XIX — 1-й половине XX в.

цуба — гарда на японском холодном оружии

шоссы — предназначенная для мужчин разновидность колготок; зачастую имеют гульфик или специальную ластовицу. В Средние века — обычный предмет мужского гардероба

эннен — средневековый женский головной убор

эсгрима — обманные трюки (финты) в фехтовании

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ САХАЛИНА. КАТОРЖАНИН. Фантастический роман	5
<i>Глоссарий</i>	278